



ПАМЯТИ АНДРЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ЗАЛИЗНЯКА (1935–2017)

12 декабря 2017 г. Андрей Анатольевич Зализняк прочел в Институте славяноведения РАН доклад о берестяных грамотах, найденных в прошедшем сезоне; 16 декабря он провел занятие со студентами МГУ по исторической акцентологии русского языка, 24 декабря его не стало. Так он простился с двумя главными пространствами своей деятельности — Академией наук, где он проработал более полувека (с 1960 г.), и Московским университетом, с которым он был связан еще дольше — как студент (1952–1957), аспирант и преподаватель (с 1958 г.). Неожданность его ухода повергла все научное сообщество в глубокую скорбь, в это невозможно было поверить, ведь к своим 82 годам А.А. Зализняк не успел состариться, он был легок и скор, полон молодого энтузиазма и интереса к жизни. Нам теперь предстоит осознать, что его жизнь окончилась, что он сделал то, что сделал, и сказал то, что успел сказать. Нам предстоит постичь логику его жизни во всей ее непоправимой завершенности. За время, прошедшее со дня его смерти, было сказано и написано много прекрасных слов — это были не только слова боли его осиротевших учеников и коллег, но и впервые произнесенные, но давно сложившиеся в сознании оценки трудов и личности ученого и его роли в отечественной филологии. Его имя ставили в один ряд с именами корифеев отечественной науки о русском языке — А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, Н.С. Трубецкого; его личность сравнивали с Моцартом и Пушкиным.

В 1957 г. 22-летний Андрей Зализняк вернулся в Москву после годичной стажировки в Париже, где он слушал лекции выдающихся лингвистов А. Мартине, Э. Бенвениста, Л. Рену и др. и занимался изучением древних индоевропейских и восточных языков. В том, что из всех студентов филфака на стажировку в Париж командировали студента английской группы романо-германского отделения, была и случайность, но имелись и своя логика и закономерность: этот выбор был оправдан не только блестящими успехами Зализняка в учебе, но и его свободным владением французским языком и многими другими языками. Вернувшись из Парижа, он начал вести на филологическом факультете МГУ курс санскрита, а затем ведийского языка, древнеперсидской клинописи, несколько позже арабского языка, древнееврейского языка и лингвистических задач. Это были факультативные занятия, на которые собирались студенты разных курсов. В это время в Московском университете Вячеслав Всеволодович Иванов, учитель Зализняка, вел занятия по крито-микенским надписям, хеттской клинописи и читал курс введения в сравнительную грамматику индоевропейских языков (однако уже осенью 1958 г. он был уволен из МГУ за поддержку Пастернака и связь с Р. Якобсоном).

В 1960 г. Андрея Анатольевича, еще не окончившего аспирантуру, пригласили на работу в Институт славяноведения, в отдел славянского языкознания. Руководитель этого отдела, Самуил Борисович Бернштейн, озабоченный собиранием научной молодежи и уже добившийся зачисления в Институт таких ярких лингвистов, как В.А. Дыбо и В.М. Иллич-Свитыч, возлагал большие надежды на А.А. Зализняка и предложил ему заняться углубленным изучением славяно-иранских

языковых контактов. Эта область славистики была (и остается) слабо разработанной, и молодой ученый с его глубокой и разносторонней индоевропейской лингвистической подготовкой был единственной надеждой Бернштейна. Но этой надежде не суждено было сбыться, потому что научные интересы Андрея Анатольевича лежали совсем в другой области.

Этой совсем другой областью был русский язык. Всем известны феноменальные способности Зализняка к иностранным языкам, проявившиеся еще в школьные годы, но он не раз говорил, что его интересуют не языки, а язык, язык как совершенный и исключительно сложный механизм, сделавший человека человеком и обеспечивший его непрерывный прогресс в познании мира и самого себя. Такое постижение глубинных механизмов языка возможно только на базе родного языка. Работа с русским языком как предметом изучения началась для Андрея Анатольевича с краткого очерка русского языка для французов, который он опубликовал в качестве приложения к учебному русско-французскому словарю, а сам словарь стал «побочным продуктом» стажировки во Франции. Именно из этого приложения тянутся нити ко всему дальнейшему блестящему пути А.А. Зализняка как русиста. Уже работа над приложением показала, сколь неточны, неполны и противоречивы были описания морфологии русского языка в имеющихся грамматиках. Обнаружились и серьезные лакуны в науке о русском языке — в грамматиках полностью отсутствовали правила, касающиеся ударения. В подходе, который избрал Андрей Анатольевич, главными были строгая логика и полнота фактических данных, ничто не должно быть упущено, нужно было найти алгоритм построения правильных грамматических форм с учетом ударения — сначала исчерпывающий анализ реальных форм, а затем четкие правила их порождения.

Кандидатская диссертация А.А. Зализняка называлась «Классификация и синтез именных парадигм в русском языке», за нее ему по рекомендации оппонентов и единодушному решению ученого совета Института славяноведения в 1965 г. была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В 1967 г. диссертация была издана в виде книги «Русское именное словоизменение», сразу же ставшей классикой русистики. Ее естественным продолжением и развитием был «Грамматический словарь русского языка», вышедший через десять лет, — первое полное описание всех грамматических форм русского языка, по которому для каждого из почти 100 тысяч слов можно было построить все его словоизменительные формы. И вся эта грандиозная работа была выполнена до появления компьютеров, вручную! Впоследствии это описание, в полной мере удовлетворяющее самым строгим требованиям автоматического порождения всех словоизменительных форм русского языка, легло в основу русского интернета. Такого рода труд, казалось бы, несоизмеримый с возможностями одного человека, был под силу только такому ученому, как А.А. Зализняк с его потребностью и способностью «наводить порядок» в бескрайнем море фактов и «идти до конца» по пути установления истины. Этому помогала общая научная атмосфера 1960-х годов, интерес к точным методам в гуманитарных науках и особенно в лингвистике, развитие исследований в области машинного перевода, а затем и семиотики. Во всех этих направлениях одним из лидеров был его учитель Вяч.Вс. Иванов.

В том же 1960 г., когда Андрей Анатольевич был принят на работу в Институт славяноведения, по специальному решению Президиума Академии наук СССР были созданы секторы структурной лингвистики в трех академических институтах — Институте языкознания под руководством А.А. Реформатского, в Институте русского языка под руководством С.К. Шаумяна и в Институте славяноведения под руководством В.Н. Топорова (которому в то время было всего 32 года). Формирование нового сектора происходило при самом активном участии Вяч.Вс. Иванова и А.А. Зализняка, который рекомендовал В.Н. Топорову нескольких своих учеников.

Спустя несколько лет Андрей Анатольевич перешел из сектора, занимавшегося «традиционной» славистикой, в сектор структурной типологии (где он проработал до самой смерти), которым впоследствии руководили Вяч. Вс. Иванов, затем Т.М. Николаева, Ф.Б. Успенский и в самое последнее время И.А. Седакова. В первом же издании сектора — сборнике «Структурно-типологические исследования» 1962 г. — была напечатана статья Зализняка, посвященная строгому формальному описанию правил уличного движения как одной из «простых» систем, изучение которых необходимо для обращения к таким сложным системам, как язык. Это было, таким образом, прямым предвосхищением его формальной морфологии. А.А. Зализняк активно участвовал в знаменитом «Симпозиуме по структурному изучению знаковых систем» 1962 г., в Тартуских летних школах по семиотике, во многих других научных мероприятиях и изданиях сектора. Но все же основная линия его научной деятельности была связана именно с русистикой — сначала с созданием строгого формального описания словоизменения современного русского языка, а позднее — с историей русского языка. Поворот от современности к истории наметился очень рано: уже в 1962 г. Андрей Анатольевич предложил доклад на тему «О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией».

Вполне закономерным этапом научного пути А.А. Зализняка стала разработка акцентологии русского языка. Эта линия также восходит в конечном счете к очерку русской морфологии в кратком русско-французском словаре. Его первая работа по этой тематике («Ударение в современном русском склонении») появилась уже в 1963 г. Интерес Андрея Анатольевича к теории и истории русского ударения поддерживался не только его собственным стремлением к исчерпывающему описанию русского словоизменения, но и пионерскими работами его ближайших коллег по институту В.А. Дыбо и В.М. Иллич-Свитыча в области славянской акцентологии. Благодаря акцентологическим трудам А.А. Зализняка было впервые построено прочное здание истории русского ударения.

С 1982 г. и до последних дней жизни А.А. Зализняк работал над дешифровкой и толкованием новгородских берестяных грамот, в результате чего им был реконструирован особый древненовгородский диалект как разновидность русского народного языка древнейшей поры, создана теория палеографии берестяных грамот и практическая система палеографических показателей (он называл это «дискретизацией континуума»), позволяющих датировать грамоты и надписи с большой точностью, сопоставимой с точностью дендрологической и иных датировок. Этот круг работ Зализняка, выполненных в сотрудничестве с В.Л. Яниным, А.А. Гиппиусом и другими коллегами-«новгородцами», получил не только признание специалистов (археологов, историков, лингвистов), но и большую известность в широких кругах общества, в том числе и благодаря ежегодным лекциям Зализняка в МГУ, которые пользовались невиданной популярностью среди студентов разных факультетов и научной общественности. Именно изучение языка новгородских грамот позволило Андрею Анатольевичу подвергнуть новому анализу текст «Слова о полку Игореве», споры о подлинности и датировке которого не прекращались многие десятилетия, и показать, что лингвистические особенности этого текста указывают на его безусловную древность и подтверждают его отнесение к XII в.

В 2000 г. в Новгороде была обнаружена уникальная восковая книга XI в. с текстами псалмов, под которыми на деревянной (липовой) основе А.А. Зализняк рассмотрел слабые следы многочисленных текстов, писавшихся на воске ранее, в виде бесчисленных и беспорядочно наслоившихся друг на друга буквенных штрихов. В течение нескольких лет Андрею Анатольевичу удалось невероятное — прочитать, фактически дешифровать, большие фрагменты этих текстов. Трудности этой реконструкции невозможно переоценить. Однако эту работу ему пришлось оставить, в том числе из-за возникших проблем со зрением. Тем не менее судьба

этого памятника и перспективы дальнейшего его изучения не переставали волновать ученого. Сейчас невозможно себе представить, кто мог бы быть способен продолжить его работу.

Стала уже афоризмом фраза А.А. Зализняка, сказанная им на церемонии вручения ему премии имени А.И.Солженицына, о том, что истина существует, и задача науки — ее поиск. Это убеждение было для Зализняка и философией, и религией, и стратегией жизни. Оно вдохновляло его на всем его многотрудном научном пути и оно же давало ему силу возвысить свой голос против лженауки и разного рода научных спекуляций типа исторических «реконструкций» Фоменко и его сторонников. В этом проявился его общественный темперамент, для многих неожиданный — ведь он был мало вовлечен в систему отношений в научной среде, редко откликался на работы коллег, не выступал оппонентом, не руководил аспирантами, не занимал никаких должностей, не входил ни в какие ученые советы и комиссии. Но при этом его влияние на научное сообщество — особенно благодаря преподаванию и публичным выступлениям — было и остается огромным.

Я в своей жизни не встречала более счастливого человека, чем Андрей Анатольевич. Более счастливого и более свободного. Как удавалось ему в нашей стране и в наше время быть свободным от пут действительности, от обстоятельств, которые многих его современников либо ломали, либо сковывали и угнетали? Как ему удавалось не видеть ничего, кроме самой жизни, радости труда и познания? Он наслаждался своей работой, общением с молодежью, он был счастлив в своей семье и в друзьях (с некоторыми дружил со школьных лет). Он каким-то непостижимым образом сумел отодвинуть от себя все, что могло остановить или задержать его стремительное движение к научной истине, к познанию языка и проникновению в его тайны.

Его труды, составившие эпоху в развитии науки о русском языке, будут изучаться, будут издаваться и переиздаваться, на них будут воспитываться новые поколения русистов. Но больше не будет его лекций и докладов, его живого голоса, его провоцирующих вопросов к слушателям, его детского смеха, не будет его новых книг и статей. Тем, кому посчастливилось знать его многие годы и учиться у него, трудно с этим смириться.

© 2018 г. *С.М. Толстая*

DOI: 10.31857/S0869544X0000476-6